

Этих дней не смолкнет слава...

В советский период истории нашей Родины, в отношении гражданской войны и партизанского движения сформировался миф о том, что в гражданскую войну бедные, создав Красную Армию, воевали с врагами -богатеями, кровопивцами всех мастей, объединившимися под знаменем Белой гвардии.

Вопреки всем мнениям, на Алтае воевали друг с другом не бедные с богатыми, а обиженные зажиточные крестьяне, с обидевшей их колчаковской властью. Так, например, наиболее крепкие крестьяне были далеки от большой политики и поэтому почти никак не отреагировали на свержение власти большевиков в 1918 году. «Делите власть как хотите, только нам крестьянствовать не мешайте», - рассуждало большинство алтайских крестьян.

Революция алтайских крестьян захлестнула только в 1919 году, а до этого времени сельчане жили своей привычной размеренной крестьянской жизнью, в меру интересуясь государственными вопросами и исполняя законы высшей власти.

Однако колчаковцы стали проводить обязательную воинскую мобилизацию, и жестоко наказывать дезертиров, уклонявшихся от призыва, и членов их семей. Крестьяне мирились, когда их детей, их главных помощников в поле, призывали на войну с германцем за Родину (то есть на Первую мировую войну), но когда стали забирать на войну за чью-то идею, да к тому же со своим же народом, крестьяне стали молча саботировать военный призыв.

И в августе 1919 года партизанское движение на Алтае стало приобретать массовый характер, когда небольшие партизанские отряды стали пополняться как добровольцами, так и мобилизованными крестьянами, в результате чего сформировались партизанские армии.

В архивном отделе в коллекцию документов бывших красных партизан Солонешенского района включены личные воспоминания бывшего красного партизана Бурыкина Никифора Тимофеевича о гражданской войне и восстановлении Советской власти на территории Солонешенской и Сибирячихинской волостей в 1918-1920 годах.

Никифор Тимофеевич родился в 1896 году в с. Сибирячиха. До десятилетнего возраста жил в семье родителей, затем был отдан местному учителю Никольскому в помощь по хозяйству с условием, чтобы учитель научил его читать и писать. С 1907 года работал на маслодельном заводе у местного купца Мосина.

5 августа 1915 года был досрочно призван в армию. Служил солдатом в стрелковом пехотном полку на Западном фронте, затем с октября 1916 по май 1917 - на Румынском фронте. После падения Советской власти 19 июня 1918 года был арестован белыми и заключен под стражу в Бийскую тюрьму, а 5 октября 1918 во время повторного допроса в белой милиции, бежал и скрывался от преследования белыми...

Но, не будем забегать вперед...

Вот что рассказывал наш земляк:

«После падения Советской власти в Сибири, в июне 1918 года, буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров образовала так называемое Сибирское временное правительство, которое создавало белую гвардию, гвардию из сынов имущего класса, а в ноябре 1918 года появился ставленник антанты адмирал Колчак. Он объявил себя верховным правителем не только Сибири, а всей России, и восстановил военную кровавую диктатуру, разогнал демократические организации и профсоюзы, затем репрессировал многих меньшевиков и эсеров, игравших в то время в политику и демократию. Колчак проводил мобилизации бывших офицеров, городское цензовое население и крестьянских парней. Он сколачивал большую белую армию. Империалисты Америки, Англии, Франции и Японии оказывали Колчаку большую военную помощь. На местах, в городах и селах, у власти стояли буржуазия и кулачество.

В августе 1918 года белогвардейцы, при активной помощи кулаков и эсеров в горах Алтая разбили красногвардейский отряд Петра Федоровича Сухова (его расстреляли в деревне Тюнгур). Отдельным красногвардейцам удалось бежать и скрываться от белых и кулаков. Но, не зная местности и дорог, они попадали на кулацкие заимки и пасеки, где их вылавливали и доставляли местным властям.

В Сибирячихе кулаки Дударев Степан Фалалеич, Козызаев и другие выловили семь красногвардейцев и привели их в волость, где находились белоказаки. Они заставили обреченных выкопать для себя могилу за кладбищем (на кладбище не разрешили рыть могилу красным).

При допросе красногвардейцы не сказали своих имен и фамилий, и тогда в один из августовских дней семь безыменных были расстреляны и зарыты, как скотина. Казаки и кулаки злорадно кричали: "Красную заразу надо повсеместно и беспощадно искоренять". Этот факт-эпизод заслуживает внимания.

20 июня 1918 года в г. Бийске произошел контрреволюционный переворот - Советская власть пала.

Белогвардейцы арестовывали большевиков и советских работников. Я, как бывший председатель Совета солдатских депутатов, член первого Совдепа и заместитель председателя уездной следственной комиссии, вместе с другими товарищами был арестован белыми и заключен под стражу в Бийскую тюрьму. Во время повторного допроса в белой милиции 5 октября 1918 года мне удалось бежать, скрываться от преследования белыми в деревне Макарьевке и осторожно жить в Сибирячихе. А когда появлялась белая милиция или казаки, я уходил на заимки надежных мужиков, уезжал в деревню Калиниху или село Березовское.

Надо сказать, что уже в то время у населения росла ненависть к властям и к белым.

Живя в Сибирячихе, я сблизился с бывшими военными моряками, братьями Стрельцовыми Евстратием и Титом, бывшими фронтовиками - Черепановым И.В., Каверзиными Осипом и Иваном, с бедняками - Кобызовым,

Смоляковым и другими.

Мы часто собирались и обсуждали вопросы на злобу дня. «Если бороться с белыми, то только организовано. Мужики против белых, ее власти. Надо организовать подпольную группу большевиков из надежных бедняков, бывших солдат - фронтовиков, сочувствующих Советской власти».

Колчаковщина применяла жестокие меры к мужикам. Частыми «гостями» были казаки Антоньевской и Слюдянской станиц. Местная власть по указанию свыше взysкивала оброчные подати и налоги с крестьян за 1917, 1918 и 1919 годы. Проводила мобилизации парней в белую армию.

За бесценок забирали лучших лошадей в белую кавалерию, казаки брали фураж.

К весне 1919 года политическая обстановка в селах резко изменилась не в пользу колчаковщины. Волостным старшиной стал пожилого возраста дьякон единоверческой церкви рыже-красный приверженец царизма Кашперов Петр Денисович, а писарем Фоминых В.М. Как первый, так и второй - усердные службисты.

Шло время. В первых числах мая 1919 года в Сибирячихе была организована подпольная группа большевиков в количестве 11 членов (Стрельцов Е.Ф., Стрельцов Т.Ф., Черепанов О.В., Каверзин О.А., Каверзин И.А., Смоляков А.Р., Кобызев Н.И., Налимов В.С., Дударев Г.С., Дударев С.Ф., Бурыкин Н.Т.), а к июлю 1919г. выросла до 20 человек.

Руководителем группы был избран я. Группа приняла следующий план работы: а) срывать мобилизации парней в белую армию; б) не давать лошадей и фураж казакам; в) не платить подати и налоги колчаковскому правительству; г) собирать оружия всех видов; д) проводить агитацию среди населения против колчаковщины; е) готовить бедному и бывших фронтовиков из средняцкой среды для борьбы с колчаковщиной и др.

В первых числах июля 1919 года, по решению подпольной группы, я побывал в г. Бийске, чтобы установить связь с городской подпольной большевистской организацией, но цели достигнуто не было. В Бийске в то время была раскрыта группа подпольщиков и расстреляна белыми. Были убиты товарищи Мерлин, Шадрин, Митрофанов, Казанцевы - дядя с племянником.

Я встретил знакомого рабочего Лесозавода тов. Николаевского, он предупредил меня об опасности появления на улицах города и предложил немедленно покинуть город. «Тебя здесь многие знают, могут арестовать, и тогда будет крышка», - сказал он.

По возвращению в Сибирячиху, я информировал товарищей о положении дел в Бийске. Явочным местом группы подпольщиков была кузница Каверзиных в зарослях у протоки реки Ануя. В то время уже

появились в селе дезертиры из белой армии, скрывающиеся на заимках, пасаках и пашнях. Население оказывало им всяческую помощь.

Вскоре в Сибирячиху прибыл "заготовитель" скота для "города". Это был большевик Быстроистокской подпольной организации тов. Плеханов Климент, приезжавший в села под видом заготовителя скота. Он встретился с товарищем Стрельцовым, а последний собрал некоторых товарищей и Плеханов рассказал, что в селах Верхануйске, Паутовском, Новообинске, Петропавловске, Старо-Тырышкинске, Усть-Ануйске и Быстром Истоке проводится работа по подготовке вооруженного восстания против Колчаковщины. Плеханов предлагал поддерживать связь с Быстроистокской организацией большевиков, а в свою очередь мы информировали его о положении дел в селах Сибирячихинской волости.

Но селам пошли слухи о том, что Красная армия успешно развивает наступление на колчаковском фронте, что белые отступают и что в Славгородском, Каменском уездах, а так же на территории Томской губернии и на Востоке действуют красные партизаны. Это обрадовало мужиков и придало смелости. Кулаки и приверженцы белых хмурились, прислушивались к разговорам и вынюхивали врагов верховного правителя Колчака.

Вскоре стало известно, что в селе Зиминском Брусенцевской волости Барнаульского уезда крестьяне организовали вооруженное восстание против белых, где 1 августа 1919 года образовался повстанческий военно-революционный штаб и в степных селах - Коробейниковском, Устьпристанском, Новообинском, Огневском и Михайловском мужики поднимаются на борьбу за Советскую власть.

Сибирячихинская подпольная ячейка 3 августа 1919 года (был субботний день) решила послать делегацию в повстанческий штаб, возглавляемый Буштаковым Ефимом Ивановичем, находившийся между сел Огневском и Михайловском, на вилках Кукуя. Делегация в составе т.т. Стрельцова Е.Ф., Черепанова И.Р., Черепанова Т.О. и Пяткова на верховых лошадях выехала и должна возвратиться обратно к 12 часам дня на второй день, т.е. в воскресенье. Подпольная группа предварительно обсудила ряд вопросов, связанных с организацией восстания. Большинство населения знало о поездке делегации и ожидало больших, важных новостей от делегатов, а подпольщики оповестили население о сборе на площади около школы 4 августа 1919 г.

На площадь около школы и волости собирались мужики, приходили и женщины, ждали возвращения делегатов. Я приготовил от имени большевиков-подпольщиков воззвание-призыв к крестьянам волости, призывавшее на вооруженное восстание против Колчаковщины. Собравшиеся переговаривались между собой, весело смеялись.

-Вон едут делегаты! - громко закричали Дударев Спиридон, Каверзин и другие мужики.

Стрельцов не слезал с лошади, его окружили мужики.

-Федорович, рассказывай, что нового привезли, что повидали?

-Тише там!- призывали другие к порядку.

Стрельцов одел очки и читал напечатанное на машинке большое воззвание от имени Главного военно-революционного штаба к населению, призывавшее на борьбу за власть Советов.

Затем он призвал собравшихся к объединению в отряды на борьбу за Советы, и свержение Колчаковского режима. А я огласил аналогичное воззвание от имени местной организации - большевиков. Собравшиеся образовали многолюдное народное собрание. Бедняки, бывшие солдаты, фронтовики кричали:

-Кругом народ поднялся против белых, а мы бездействуем! Мы должны последовать примеру михайловцев и огневцев!

Собрание загудело, как потревоженный пчелиный улей. Купцы Кашперов, Пичугин, Мосин, и многие кулаки, присутствующие на собрании, злоеще молчали.

Каверзин Осип Андреевич, низесреднего роста, плечист (член подпольной группы) громогласно предложил избрать военно-революционный штаб из трех лип, который должен управлять всеми делами на территории волости, а волостное и сельские правления распустить.

После продолжительных споров и шума, собрание приняло предложение и единодушно избрало Повстанческий штаб в составе: Стрельцова Евстратия Федоровича, Бурыкина Никифора Тимофеевича и Тупикова Матвея Михайловича. Начальником штаба стал Стрельцов. Он поднялся на крыльцо волости и официально объявил свержение местных органов Колчаковского правительства на территории волости. Также призвал дезертиров из белой армии присоединиться к восставшим, организовать отряды и вооружаться чем, можно, затем выступить на борьбу с белоказаками, милицией и прочими белыми бандами. Я объявил запись добровольцев в партизанский отряд. Не расходясь с собрания, записавшихся было более 100 человек.

Временно командиром отряда был назначен бывший фельдфебель старой армии Кулешов С.Е. Он сформировал в отряде взводы и установил дежурство повзводно.

Старики озабоченно говорили:

- С сенокосом еще не управились, да и хлеба поспевают, а тут на тебе - война надвигается. Как же быть?

Кулаки и купцы, расходясь с собрания, ворчали: "Смутьяны народа затевают страшное дело...Что будет? Оборони бог нас от надвигающей беды!»

Волостной старишина Кашперов и писарь Фоминых готовились к отправке новобранцев поочередной мобилизации в белую армию 6 августа 1919 года. Но, видя безвыходное положение, и страх перед белым начальством за срыв мобилизации, старишина Кашперов и поп Казьмин ночью бежали в Антоньевскую казачью станицу, а затем в г. Бийск, чтобы рассказать о восстании в волости и просить помощи восстановить порядок.

Штаб забрал у волостного писаря ключи от шкафов и разместился в

школе. Составил план своей деятельности и установил связь с селом Верхслюдянским через летучую почту (конно-нарочных). 5 августа 1919 года штаб конфисковал у местных купцов сортовое железо, пригодное для изготовления пик, свинец, дробь, пистоны и порох. Обязал кузнецов Седова и Юдина срочно изготовить 250 пик. В тот же день Михайловский штаб запросил у Сибирячан помощи для отражения наступающих белоказаков и каракурмовцев на Михайловку. Наш штаб срочно выделил 50 партизан под командованием Черепанова Т.О.

Натиск белых партизанами был разгромлен. Михайловские и Сибирячихинские партизаны на плечах отступающих казаков ворвались в Антоньевскую станицу, а через два дня Черепанов без урона людей и с отвоєванными у белых боевыми винтовками возвратился в Сибирячиху. В то же время наш штаб получил сигнал об опасности арестованным 40 крестьянам, следуемым под конвоем в Бийскую тюрьму.

Штаб решил вырвать крестьян из лап белой милиции. Для этого было выделено 12 партизан во главе с Фоминым Г.М.

В деревне Макарьевке партизаны отбили арестованных мужиков и привели их в Сибирячиху, где после отдыха, мужики, отблагодарив штаб и партизан, разошлись по своим селам Нижне Бацелакской волости.

7 августа 1919 года по летучей почте (конно-нарочным), наш штаб получил приказ Алтайского военного округа народной красной армии, за подписью Брусенцева (приказ для всех повстанческих штабов), о мобилизации мужского населения от 18 до 40 лет, и формировании отрядов для борьбы с белогвардейскими бандами и белой милицией. Обсудив этот вопрос, и учитывая революционное настроение, боевой дух населения, штаб решил поголовной мобилизации, как указано в приказе, не проводить, а призвать в выборочном порядке волевого качества бывших солдат до 300 человек на своих лошадях. Ранее сформированный отряд был включен в число призванных и перестал существовать, как боевая единица. Штаб решил сформировать четыре партизанских отряда по 100 бойцов и установить маршрут следования. Для каждого отряда были приготовлены красные флаги, воззвания к наделению, призывавшие на борьбу за власть Советов.

8 августа 1919 года партизанские отряды, вооруженные в основном самоковочными пиками, частично дробовиками, охотничьими ружьями, и были кое у кого боевые винтовки. Отряды собрались на площади около школы. Командиром первого отряда был 28-летний бывший унтер офицер, артиллерист, член подпольной ячейки - Каверзин Осип Андреевич, который должен следовать через деревни: Калиниху, Кураниху и на Нижний Бацелак. Командир второго отряда - унтер офицер, пулеметчик старой армии, член подпольной ячейки, 30-летний Черепанов Иван Васильевич следует через дер. Большая речка на Тележиху по следам красновардейского отряда Петра Сухова, проходившего в августе 1918 года. Командир третьего отряда, 29-летний бывший солдат Кирасирского полка лейбгвардии, беспартийный Черепанов Тит Осипович (позже он был командиром 3 бригады, первой горной дивизий) следует через д. Макарьевку, Усть-Тальменку, село Солонешное и на село Черный ануй. Командир четвертого отряда, бывший солдат, 31-летний

Кучин Афанасий Павлович остается при штабе в Сибирячихе.

Перед строем партизанских отрядов выступил начальник штаба Стрельцов Е.Ф. Он давал партизанам наказ: «Товарищи, при вступлении в деревни и села, разъясняйте населению о жизненной необходимости организованной борьбы с ненавистной колчаковщиной за Советскую власть! Будьте стойкими, достойными солдатами революции! Истребляйте на своем пути злейших врагов трудового народа! Желаем вам боевых успехов!»

Собрались на проводы партизан старики, женщины, девушки и ребятишки.

Стройными рядами по четыре, с красными флагами выступали по своим маршрутам конники-партизаны. Женщины, девушки и стаи ребятишек шли за партизанами до ворот поскутины. Таким образом Сибирячиха в то время являлась серьезным военным очагом развития партизанского движения в соседних горных волостях.

Военно-революционный штаб непрерывно находился на своем месте. Приезжали с донесениями, сводками и уезжали конно-нарочные из Уржума, Михайловки, Соловьихи, Березовки.

Куда бы ни прибывали Сибирячихинские отряды, их радушно встречало население, за исключением кулаков, и организовывали свои партизанские отряды. Вооружались чем только можно и вступали в борьбу с белыми бандами и милицией.

Так ширилось и развивалось пламя народного восстания в горных волостях и селах.

Много было в то время у Штаба забот и хлопот. Во второй половине августа 1919 года уже многочисленные партизанские отряды разных селений окружили Чарышскую казачью станицу-форпост белого казачества, возглавляемый атаманом есаулом Шестаковым В.И., где участвовали и Сибирячихинские три отряда.

Партизаны образовали военно-полевой штаб, возглавляемый казаком революционером Пичугиным Игнатом. Штаб потребовал выдачи есаула Шестакова и сдачи оружия. Это требование казаками было выполнено без сопротивления. По приговору военно-полевого Штаба Шестаков был казнен (запорот плетью), как злейший враг трудового народа. Орудие взято партизанами и находившиеся казаки других станиц (всего около 500 чел. были пленены, которых намерены были конвоировать в Штаб шестой степной партизанской дивизии, где командиром был тов. Архипов. Пленные казаки были переданы отряду т. Назарова.

После победы Чарышской станицы, некоторые партизанские отряды разъехались по своим селам и деревням. Воинствующий дух у населения заметно спадал. Партизаны пожилого возраста уходили из отрядов, жили на заимках и занимались уборкой хлебов и другими хозработами. Кулаки распускали слухи о том, что у белых несметные силы и, что в степных районах восстание подавлено. Наш Сибирячихинский Штаб получал тревожные сигналы из сел Михайловского, Огней, Петропавловского и Соловьихинского о том, что белые увеличивают свои силы и что надвигается угроза. Старики проявляли озабоченность и беспокойство.

В один из дней собрались в школьной ограде десятки стариков, ведомые 75 - летним дедом Федором Минеичем Стрельцовым. Он, пользуясь тем, что его сын начальник Штаба, заверил старцев, что уговорит членов штаба об отзыве с Баще-лакского фронта домой партизанские отряды на уборку хлебов. Тупиков М.М. сообщил, что десять стариков, во главе с отцом начальника штаба просят принять их по важному вопросу.

- Что же, послушаем стариков. Это мой батя, старый «козел», неспроста привел старческую делегацию, что-то они придумали, - сказал начальник штаба.

Старики чинно расселись за партами в классе, держа в руках свои войлочные шляпы. Дед Стрельцов, поглаживая седую лопатой бороду, смело обратился со словами:

- Почтенные начальники, скажите долго-ли у нас продлится затеянная война?

- Не затеянная, а организованная война. Продлится она до полной победы врагов революции, - спокойно ответил отцу Стрельцов.

Старик встал и как-бы с упреком, смело продолжал:

-Так... А кто-же будет убирать хлеба? Полосы ждут рабочие руки, а где они эти руки? Воют!

Начальник штаба спокойно смотрел на стариков и на отца.

-Хлеба должны убирать все вы, женщины и ребята. Ведь многие старики и женщины целыми днями просиживают на прилавках купеческих магазинов, в сельской сборне, а пора страдная. Теперь для всех место на полях, - объяснил я старикам.

Старики обиженно насупились, их вожак - дед Минеич уже спокойно заговорил:

- Знамое дело, что война имеет важное значение в нашей жизни... Хлеб убрать вовремя тоже большое дело. Можно бы на 10-15 дней приостановить драку с казаками... Убрать бы хлебушко, а тогда и продолжать войну.

Получив неудовлетворительный ответ, старики разошлись по домам. Стрельцов Е.Ф. по состоянию здоровья и с согласия подпольной ячейки передал руководство Штаба Черепанову И.В., но продолжал работу в следственной комиссии, а я выполнял функции комиссара и секретаря Штаба.

Притихшие кулаки в первые дни восстания осмелели, подняли головы, злорадно посмеивались над беднотой:

- Все еще воюете? Ждете Советскую власть? А в степных селах с восстанием покончено!

На помощь Чарышской и другим, изрядно потрепанным, казачьим станциям выступали карательные отряды и полки белоказаков. Партизаны дрались, в боевых схватках добывали оружие и боеприпасы, в которых ощущалась острая нужда.

Белые теснили партизан под Нижнем и Верхнем Бащелаками. Партизанские отряды образовали Бащелакский фронт на березовой гриве.

Наступили сентябрьские дни. Села Михайловское, Огневское, Петропавловское, Соловьишинское сообщали Сибирячихинскому Штабу об опасности и просили помощи.

В Барнауле и Бийске формировались карательные отряды и дикие сотни, которые выступали на подавления восставших сел и деревень. Сибирячихинский Штаб, учитывая угрозу со стороны белых, доносил Штабу Бащелакского фронта и требовал откомандирования своих отрядов в Сибирячиху, чтобы организовать заслон и задержать возможное продвижение белых. Но ответа не было. Последнее сообщение подтвердило, что в селах Огнях, Петропавловске и Михайловке восстание было подавлено. Во второй половине сентября 1919 года со стороны с. Березовского выступал большой карательный отряд и 100 белоказачков под командованием полковника Хмелевского и его подручных поручика Серебренникова и прапорщика Москвина. Проводником карателей был Сибирячихинский волостной старшина Кашиперов, бежавший из Сибирячихи 4 августа 1919 года.

Штаб из школы перешел в дом старика Артемыча и послал нарочного с донесением в Штаб Бащелакского фронта и требованием посылки отрядов в Сибирячиху.

Обстановка была напряженной. Нарочный Фоминых не возвратился и отряды не прибыли в Сибирячиху. Штаб организовал оборону на подступах к селу. Отряд Кучина пополнился мужиками и подростками. Около Штаба толпились старики и женщины.

- Трудно придется нам отбиваться от карателей, вооруженных до зубов. Наша сила малочисленна и без оружия. Командование Бащелакского фронта тоже оказалось в тяжелых условиях, - докладывал Черепанов И.В.

За день до прихода белых, рано утром в Штаб явился взволнованный Назаров, командир небольшого отряда. Его белый брезентовый плащ обрызган кровью. Он дрожал от нервного потрясения, пот лил градом.

- Товарищи, я конвоировал пленных, их было около пяти сот. Их нужно было доставить в Штаб степной партизанской армии, а где теперь найдешь этот Штаб? В степных селах восстание подавлено, кругом белые. От Чарыша до Сибирячихи я зарубил более трех сот. Они угрожали нам смертью. Я сам казак и знаю их, как непримиримых врагов... И вот рано, на заре я увел 114 казаков на гору и в малиновом логу зарубил 112 человек, а двух привел сюда. Они сослались на ваших мужиков, знающих их с хорошей стороны. Ну а теперь прошу, трупы убитых закопать в землю...

- Неправильно ты поступил Назаров, это самочинство! Почему ты не доложил нашему Штабу и убил людей? Ведь за такое действие ты должен отвечать! – возмущаясь, говорили члены Штаба.

Назаров ответил:

- Теперь поздно обсуждать... факт совершился.

Он выскочил из Штаба и ускакал со своим отрядом на Бащелакский фронт, оставив горький осадок о происшедшем. Двух казаков (фамилии их не помню) забрали старики.

Рано утром на второй день разведка донесла, что карательная экспедиция полковника Хмелевского выступила на Сибирячиху, а просимые отряды с Бащелакского фронта так и не прибыли. Белые на подступах к селу зарубили партизанский дозор Голубцова и Ходырева. Каратели, чтобы сократить путь до села, устремились на крутую прямую дорожку. Положение

стало критическим и безнадежным. Штаб вышел из села и расположился на Лысой сопке, с которой видно далеко вокруг. Зазвонили церковные колокола. С нижнего края села, с горы застучал пулемет, ему вторили винтовочные выстрелы. Село занял большой белогвардейский карательный отряд. Ответные редкие выстрелы были со стороны партизан, занимавших оборону, их оружие было тогда несколько дробовиков, самоковочные пики и просто железные вилы. Мужики не выдержали напора белых и бежали в разные стороны. Старики, подростки и женщины прятались в погребах, подпольях, а некоторые бросали свои хозяйства и бежали из села разными дорогами, тропами в леса и горы. Купцы Кашперов, Мосин, Пичугин, кулаки и попы готовились к торжественной встрече с хлебом-солью и колокольным звоном белогвардейской орды.

Казаки с обнаженными шапками, галопом первыми прискакали в село. Хмелевский со своими подручными и пехотинцами поспешили в волостное правление, где их раболопно встречали волостной старшина Кашперов, попы Казьмин и Черепанов, кулаки и учитель Никольский с белым флагом. Старшина и писарь при полном одобрении кулацкой верхушки составляли список лиц, выданных к смертной казни, как главарей восстания, организовавшего 4 августа 1919 года на территории волости против власти верховного правителя Колчака.

Имена преданных к смертной казни: Бурькин Н.Т., Дударевы Макар и Григорий, Дудерев С.Ф., Стрельцовы Евстратий и Тит, Черепанов И.В., Черепанов Т.О., Кобызев Н.И., Сысоев Т.О., Лямкин М.Н., Ладанов И.Р., Данилов Я.Х.

Этот список был вручен старшиной Кашперовым полковнику Хмелевскому.

- Вот, ваше высокородие, списочек смутьянов народа, они все это натворили.

Полковник, принимая список, сказал:

- За преданность верховному правителю и верную службу получишь награду.

Старшина пробормотал:

- Покорнейше благодарны вам, ваше высокородие!

Палач Хмелевский, против восьми фамилий в списках отметил крыжками и злобно рывкнул, чтобы слышали все:

- Этых немедленно сжечь огнем, т.е. их хозяйства до основания!

Казаки задержали на улице Ладанова Илью, ругавшего белых, Говорущенко Григория и Данилова Якова, мирно шедших, и привели их в волость, которых по приказанию Хмелевского, днем тут же на площади казнили. Офицеров обильно угощали купцы. Белогвардейцы и казаки учиняли разгул и насилия.

Все дела, бумаги Штаба были сожжены и члены его на верховых лошадях, горными тропами выехали из Сибирячихи по направлению Бацелакского фронта. На «Лукьяновой» горе, в 4 кил. от села Стрельцов, Черепанов и я с болью на сердце смотрели, как пылали огнем хозяйства отцов наших Бурьткина Т.У., Черепанова И.В., Черепанова Т.О., Туликова М.М., Осипова

Т.Е. и Дударевых Макара и Маркела, по ошибке подожженные вместо Дударевых Григория и Макара - бедняков активных партизан.

Это было 17 сентября 1919 года.

По дороге на Бащелак, мы встретили партизан-одиночек, которые рассказали, что фронт разорван, и партизанские отряды разошлись и разъехались в горы и свои села. Что же делать? Мы решили скрываться в поселке Мульчиха, где примкнул к нам брат Самсон Бурыкин. Он рассказал, что большие отряды белых и казаков, хорошо вооруженных, окружали позиции партизан и били в лоб. Партизаны, почти без боеприпасов, были вынуждены разъехаться в горы и леса.

Прошло шесть суток. Что с родными? Может быть убиты или сгорели?

Черепанов И. В. ушел в Сибирячиху, чтобы разведать, что же делается в селе. и дать нам знать.

После ухода белых из Сибирячихи, была организована дружина самообороны в составе 25 человек из числа зажиточных мужиков. Начальником был купец Кашперов Т.Е., его заместителем Черепанов И.И.

Отец Стрельцова побывал в Бащелаке и слышал разговор, что якобы в с. Черном-Ануе собираются группы партизан и организуют партизанский полк. Это нас озадачило. Мы решили с большой осторожностью выехать в Сибирячиху, собрать скрывавшихся партизан, надежных мужиков, и поехать на соединения с партизанами в с. Черноануйское. Но это нам не удалось.

В Сибирячихе, как это оказалось, за сгоревшими хозяйствами был установлен негласный надзор. Мы решили пробраться к сгоревшему хозяйству отца, а Стрельцов отправился на поиски своего семейства. Ночь была темная, шли молча, но злые звериные глаза за нами следили. Тишина была обманчивой. На берегу речки Червянки, чудом в несгоревшей бане, скорчившись, сидели почерневшие, отец и мать. Я и брат Самсон вошли в банешку. Мать и отец испугались и в то же время обрадовались.

- Все, все, до нитки, до прутика пожгли белые звери. Даже покормить вас нечем, - говорили родители. Отец рассказал, что на днях были арестованы Черепанов Иван Васильевич, Кучин Афанасий Павлович и угнаны в казачью станицу Антоньевскую. Что, мол, сейчас белых или казаков нет, а действуют местные дружинники, как белогвардейцы. Я успокоил родителей и рассказал о цели нашего прихода. Отец советовал немедленно убираться:

- Поймают и убьют вас, да и нам не сдобровать.

Незадолго до рассвета послышался стук конских копыт. Баня была окружена вооруженными десятью дружинниками, с ними был и старшина Кашперов.

Как не уговаривали родители пощадить нас, старшина, да и дружинники, не согласились. Мать от нервного шока упала и разбила голову.

Арестовали нас и увели в волость, где уже под охраной сидели Стрельцов Е. Ф. с подбитым глазом, Кобызев и Налимов. Волостной писарь Фоминых составлял обвинительный материал, а сельский староста готовил подводы и назначал конвойных. Сопротивляться и рассчитывать на милость бесполезно было.

Писарь писал начальнику участковой Колчаковской милиции: "Направляются в ваше распоряжение пойманные главари восстания, пять человек и т.д."

В ограде и за оградой был слышен шум и плач женщин. Старики хмурились и говорили старшине:

- Нужно ли отправлять арестованных? Отпустить бы надо их.

Старшина моргал красными глазами, бормотал:

- Как же отпустить их, коль на это мы получили бумагу. Не могу отпустить.

- Ох, Денисыч, смотри, как бы хуже не было!

Но старшина махал руками и уходил от стариков.

Две пароконные подводки и конвой 10 дружинников готовы. Старший конвоя Черепанов Марк Понкратьевич получил пакет и арестованных. Он запретил родным подходить к подводкам, чтобы передать продукты (к сожалению, Черепанов М.П. значится партизаном и даже получает пенсию. Он был мобилизован в ноябре 1919 г. партизанами и находился в обозе).

В Солонешное мы были доставлены к обеду. Начальник милиции Кузнецов принял арестованных, прочел бумагу, осмотрел нас злыми глазами и рявкнул:

- Безсонов! Принимай красных бандитов, да будь построже с ними!

В открытые двери каталажки по одному, с усердием ударяя в спину, в шею, голову прикладами винтовок, водворяли нас в камеру. Просидели двое суток голодные, где подвергались избиению прибывшими казаками.

А когда нас под конвоем увезли из Сибирячихи в Солонешное, старики собрали сельский сход, о чем знало волостное начальство, которое отнеслось к этому безразлично, перечить не стало. Сход вынес одобрительный приговор с просьбой о помиловании. Общество дало поручительство за политическую благонадежность. Под приговором было написано 310 фамилий (крестьяне были безграмотные).

Приговор отец Бурыкиных привез начальнику милиции и упросил за взятку приобщить его к нашему делу, но в просьбе освободить нас, наотрез отказался.

Время было страшное. Белоказаки, карательные банды грабили, пороли, насиловали население, арестовывали, расстреливали и вешали тех, кто ненавидел колчаковскую тиранию.

В Сибирячихе в 1918 и 1919 гг. били расстреляны и убиты 16 человек (Голубцов, Ходырев, Ладанов, Данилов, Говорущенко, Голованов, Сысоев, Дударев Евстегней и семь красногвардейцев Суховского отряда).

Много в те года погибло людей в Тележихе, Солонешном, Огнях, Бащелаках, только в Михайловке белые убили 550 человек, а сколько было огнем сожжено крестьянских хозяйств, замучено людей в тюрьмах?!? Жертвы огромные!

Вот так происходили события - борьба за Советскую власть не только в селах Сибирячихинской волости, но и на территории уезда и губернии.

Осень стояла сухая и теплая. Из Солонешенского, под военным конвоем

я и мой брат Самсон, Стрельцов, Кобызев и Налимов следовали через села: Медведевку, Лютаево, Солоновку, Сычевку, Новотырышкино, Старую Белокуруху в село Алтайское, в распоряжение колчаковской комендатуры 4 р-на, где убивали сотни людей, восставших против белогвардейского произвола.

По дороге в село Алтайское, при встречах с белогвардейцами, мы терпели неопишуемые издевательства и глумления, а в Алтайском комендант Федорович, содержащий при себе 100 казаков и каракарумцев - карателей, устроил нам кровавую «баню». Нас избивали специальными нагайками, прикладами винтовок. Плетки меняли на шомпола. Экзекуция была жестокой, страшной. Наша жизнь в то время была на волоске от смерти.

Во дворе и в здании комендатуры пахло кровью. 40 летний, с выпуклыми глазами, одетый в китель цвета хаки, в фуражке с большим козырьком, белой какардой, обутый в желтые краги, комендант - садист Федорович неистово ругался:

- Какие дураки в верхах издали приказ не расстреливать на местах обезоруженных арестованных красных бандитов, а направлять в Бийск для предания военно-полевому суду ??? Посмотрите-ка, Бурыкин Никифор Тимофеевич - настоящий большевик! Он еще в 1917 году мутил солдат, будучи председателем солдатского Совета. Совдеповщик! А Стрельцов бывший моряк, насквозь красный. Они и есть смутьяны народа!

Оказывается, до нашего поступления в комендатуру, за два дня был получен такой приказ за подписью уполномоченного Омского военного округа полковника Дроздовского, управляющего Бийским уездом: «'Старик Дроздовский, выживший из ума, тоже проявляет свою сердобольность! А Сибирячихинское общество одним приговором предает к смерти, а другим - оправдывает и поручается за политическую благонадежность этих бандитов! Там все бандиты!

Федорович читая наши обвинительные материалы ругался площадной бранью. Его каратели с нагайками в руках ворвались в канцелярию комендатуры, где заканчивался "допрос" обреченных. Каратели неистово кричали и хлестали нагайками по лицам, стоявших арестованных. Мы чувствовали, как по телу стекала по ногам кровь. На наших лицах сгустки крови. В головах звенело, в ушах стоял шум. Стрельцов и Кобызев падали в обморок. У меня было выбито 4 зуба, но сознание работало.

«Коль так жестоко избивают, значит здесь нас не расстреляют», - шептались мы.

После кровавой «бани» комендант приказал своему заместителю, прапорщику Баричу:

- Отправляйте эту рвань в распоряжение начальника милиции! Их следовало бы направить полковнику Хмелевскому в село Шебалине, они его района...»

Чего мы особенно боялись. Комендант ушел. Нас увели в милицию.

Начальник милиции Крамаков разрешил нам умыться, напиться из колодца и объявил:

- Вы поступили в мое распоряжение. Я обязан вас отправить в Бийскую тюрьму. Не вздумайте пытаться к бегству. Вас будут судить и может оправдают.

Мы также боялись, что если нас будут конвоировать казаки и каракурумцы, то дальше "собачьего" лога за поскотиной не уйти. Там обычно рубили и расстреливали людей.

К нам присоединили шесть человек, также избитых, и увели в волость, где толпились старики и женщины. И когда мы узнали, что конвоировать будут дружинники - 25 человек до Бийской тюрьмы, мы облегченно вздохнули.

Из Алтайска до с. Старой Белокурихи нас везли на пяти телегах со связанными руками. Старший конвоя Турченко устроил по списку переключку и заявил:

- Я вас обязан доставить до тюрьмы. По дороге будут встречаться белогвардейцы, так не ввязывайтесь с ними в разговоры.

В Ст. Белокуриху нас привезли вечером. Около пересыльной тюрьмы были мужики и женщины, они удивлялись, что за время существования колчаковской комендатуры в с. Алтайское первая партия арестованных прибыла.

Вскоре в каталажную камеру принесли для нас молоко, хлеб, жареное мясо и яйца .

Нам не верилось, что остались живые. Радости не было конца, а утром из Ст. Белокурихи нас конвоировали пешим порядком до г. Бийска.

Конвой оберегал и защищал нас от нападок и покушений в дороге со стороны белогвардейцев.

В городе на площади около бывшего казначейства, на берегу реки Бии, формировались дикие сотни карателей для отправки на Алтай.

Мы двигались медленно. Нанесенные раны на теле ныли, кровоточились и страшно болели.

Пригнали нас к штаб-квартире полковника Дроздовского, где теперь школа № 1. Старший конвоя сдал пакет адъютанту -поручику Шевченко, получил список, т.е. бумагу на имя начальника тюрьмы, обращаясь к нам, сказал:

- Ну, а теперь глухими переулками - в тюрьму.

Сдавая нас тюремному начальнику, Турченко пожелал нам благополучного исхода:

- Ну ,хлопцы, мы свою миссию выполнили, будьте здоровы!

Он свой табак отдал нам, отдали и другие дружинники.

Нас пятерых Сибирячан посадили в секретную камеру № 1 (камера смертников). Это было 15 ноября 1919 года.

В камере расположились на холодном цементном полу. Стрельцов, поправляя повязку на глазу, говорил: «Вот и кончился наш тернистый, кровавый путь... Что ожидает нас впереди?... Очевидно военно-полевой суд, беспощадный суд." Самсон ответил: «Конечно, суд. Наверняка нас расстреляют". Кобызев со слезами на глазах сокрушенно изрек: «Хорошо бы остаться живыми, но смерти нам не миновать».

- Мне кажется, что мы будем жить. Колчаковица будет сокрушена, а

впереди неизбежно станет Советская власть, за которую мы заплатились кровью. Духом падать не надо! - ободрял я товарищей.

*Вечером принесли нам железный бачек кипятку. Надзиратель сказал:
- Хлеба вам не положено.*

У нас не было кружек и ложек. Раны на теле засыхали, а при малейшем движении лопались и кровоточили. Так мы просидели пять суток.

Давали баланду и кипяток. Затем нас рассадили по одиночным камерам и зачислили на довольствие. На завтрак - каша, кипяток; в обед - жидкий суп и кипяток. Хлеба на сутки - фунт.

6 ноября 1919 г. нам в тюрьме был учинен следователем допрос (Где были арестованы? За что содержимся в тюрьме? И т.д., и т.п.) . Нас это озадачило.

В чем дело? Ведь у полковника Дроздовского был полный обвинительный материал на нас, и почему нас долго не судят?

После допроса нас водворили в общую камеру № 45, где содержалась против нормы в два раза больше людей.

Мы расположились в проходе, т.к. на нарах и под нарами мест не было.

В камерах тюрьмы вспыхнул возвратный и брюшной тиф. Медицинской помощи, кроме изолятора, не было. Каждый день из камер выносили мертвецов. В камерах вши и клопы заедали людей. Условия содержания заключенных невероятно тяжелые.

Вскоре после допроса нам выдали арестантские билеты, в которых запись гласила: «Обвиняется в большевизме и привлекается по 102 статье с преданием военно-полевому суду.»

Что же произошло? Когда нас пригнали в Бийск, адъютант полковника Дроздовского Шевченко, с резолюцией Дроздовского на нашем деле «расстрелять» задержал исполнение, и даже уничтожил. Его вскоре арестовали и посадили в тюрьму (он не первое наше дело уничтожил), а через трое суток Шевченко исчез из тюрьмы. Об этом на прогулке в тюремном дворе рассказал нам быв. волостной писарь Солонешенской волости Пастухов П.М., содержащийся в тюрьме в то время и работавший в тюремной канцелярии.

В конце ноября 1919 г. Стрельцов, Кобызев, Налимов и Самсон заболели тифом и были переведены в изолятор.

В ноябре и первых числах декабря 1919 года партизанские полки первой конной горной дивизии, под командованием Ивана Яковлевича Третьяка, громили белогвардейскую орду и очистили большую территорию от колчаковщины.

Разбили на голову банды Хмелевского, капитана Жирова, корнета Сердитых, полковника Волкова и Алтайскую комендатуру. Город Бийск окружали партизаны.

6 и 7 декабря 1919 года городская буржуазия и белогвардейцы покидали Бийск. Подпольная большевистская организация и рабочие города организовали наблюдение за тюрьмой. Последним уходил из города есаул Сатунин с бандой головорезов и попытался расправиться с политзаключенными в тюрьме. Но охрана и тюремный надзор не подчинились Сатунину, не выдали ключей от

камер, и оказали сопротивление. Сатунин покинул Бийск и на Алтае был разбит партизанами.

Политзаключенные потребовали разгрузки тюрьмы.

Была образована комиссия по освобождению политзаключенных.

9 и 10 декабря 1919 года политзаключенные были освобождены.

-Тимофеев, ты был прав, что мы будем жить. Это наше и многих товарищей счастье!- ликовали Стрельцов, Кобызев, Налимов и Самсон, которые уехали в Сибирячиху. Вскоре Стрельцов стал председателем Волревкома и из Бар-наульской тюрьмы возвратились Черепанов И.В. и Кучин А.П.

Я остался в г. Бийске и выполнял поручение Уревкома по экспроприации имущества городской буржуазии, затем уполномоченным по организации сельских и волостных ревкомов и ликвидации остатков колчаковщины.

В феврале 1920 года в Сибирячихинской волости я организовал ячейки РКП(б), а в мае 1920 года была созвана волостная партконференция, где был избран волостной партком в составе Стрельцова Е.Ф., Черепанова И.В., Каверзина И.А., Бурыкина Н.Т. и Щепеткина.

5 июня 1920 года я был избран от Сибирячихинской волости делегатом на Бийский уездный съезд Советов и 15 июня избран членом Бийского горюездного исполкома. Затем меня назначили председателем Укомтруда и членом коллегии отдела управления УИК, а с августа месяца 1920 года - чрезвычайный уполномоченный до выполнению подразверстки и по борьбе с контрреволюционными бандами.

С 1922 года - на руководящей партийной работе на промпредприятиях губернии и секретарем ряда Райкомов ВКП(б).

С 1943 г.- участник Великой отечественной войны.

Я сознательно подробно освещаю революционные события и борьбу трудового народа с колчаковщиной, борьбу за власть Советов, чтобы показать историю такой, какой она была. Надо восстановить добрую память тех, кто боролся и отдал жизнь за власть Советов и ушел из жизни.

Наш народ, особенно молодежь, должны воспитываться в настоящее время в духе высокого патриотизма, на примерах героизма старшего поколения и бороться за светлое будущее - за коммунизм.»

С.В. Носарева, начальник архивного отдела
Администрации района